

же историософский смысл которого ещё предстоит открыть и читателям, и критикам. В этом произведении — образы советских лагерей и судьбы тех, кто прошёл через их ад, а также их потомков, которые вдруг внезапно стали жить в новой стране, в пространстве, из которого ушёл дух империи. И жизнь вдруг измельчала, скукожилась до размеров серой, пропитанной криминалом, «бытовухи». У этой жизни есть свой ритм — дезорганизующий, разрушительный ритм, выраженный в заглавии джазовым метром 5/4. Этим ритмом наполнен весь роман — он обнаруживается в странной, экспериментальной ритмике повествования, в напряжённости, фрагментарности сюжета.

Выбор джазового метра не случаен. Джаз — музыка напряжения, эмоций, поиска новых возможностей, новых горизонтов. Она рождалась в особой среде американских негров-рабов и выражала их тоску по свободе и достоинству. Под её ритмы афро-американцы боролись за свои права и победили. В Советском Союзе джаз тоже символизировал свободу от идеологических уз и штампов — был любим интеллигентскими вольнодумцами 60-х и 70-х годов. И они также добились свободы, о которой мечтали, только свобода в их исполнении переросла в беспредел. Откуда, почему? Ответ сложен. Однако стоит обратить внимание на галактионовскую джазовую метафору этой ситуации. Да, джаз — музыка свободы, но она создана другой культурой, другой нацией, в совершенно других, несравнимых с русским опытом, условиях. И если в Америке она несла униженным и оскорблённым неграм свободу, то в России она могла принести только то, что принесли 90-е годы. Ибо у каждого народа, каждой цивилизации есть свои ценности и своя культура. И, соответственно, у каждой цивилизации есть своя музыка и своя ритмика, которые способны привести к свободе.

Свобода — ценность универсальная, но у каждой нации и культуры есть своё понимание свободы. И тут универсального образца не существует. Почему герой романа Цахилганов и его сторонники, которые так стремились к свободе, стали представителями криминалитета, потеряв честь и достоинство уже окончательно? Да потому, что они не смогли найти своих родных, русских ритмов свободы, а строили её по иным, чужим ритмам. Результат оказался вполне предсказуем.

Есть и другие символические, мистические моменты в романе «5/4 накануне тишины». Несомненно, история России XX века — одна из самых трагических карт в мировой истории.

Но и она не поддаётся однозначным оценкам, ускользает от них. В этом её особенность, которая влияет и на сегодняшнее состояние страны и народа. Эту историческую сложность олицетворяет в романе мистическая противоречивая фигура Дулы Патрикеева. Гулаговский палач, которому нет оправдания, а в то же время хранитель порядка, которому канул в лету, оставив народ и страну на растерзание беспределу и безнравственности. Сознание Дулы Патрикеева деформировано тоталитарной идеологией, но оно остаётся гораздо более нравственным, чем сознание беспочвенного либерала Цахилганова. Великий, трагический парадокс русской истории.

Пространство романа, мир, в котором живут герои «5/4 накануне тишины», инфернален. И в этом пространстве единственной спасательной для человека силой остаётся Любовь. Целительное чувство, облагораживающее любого человека, олицетворено образом жены Цахилганова — Любви. Данная ассоциация дана автором открыто и однозначно. Но разве настоящие чувства не должны быть такими? В мире, скованном фальшью, Правду надо говорить открыто, в полный голос. К тому же героиня романа тяжело больна. Любовь в стадии агонии, накануне тишины — вот символ нашего времени. Страшный, ужасающий, призывающий к действию, и главное, внушающий надежду на прорыв. И героями этот символ понят, раскрыт — они начинают трудный путь освобождения от сиюминутной социальщины, постепенно открывают истину, которая ведёт их к очищению. И не только их, но и весь мир.

Однако очищение есть жертва — она ознаменована глобальными потрясениями, трагическими событиями. Лишь после этого возможно новое начало. Инфернальный мир исцеляется только апокалиптическим путём, и к этому необходимо быть готовым. В этом сохраняется духовная суть нашего времени, которую постигают герои романа «5/4 накануне тишины», каждый по-своему.

Последний роман писательницы — «Спящие от печали», продолжает и развивает эту тему. И здесь мы встречаем «униженных и оскорблённых» — людей, которых социально-политические процессы последних десятилетий вышвырнули из поля жизни. Они угасают в позабытом всеми, полуразрушенном городке Столбцы. (Столбцами в древности назывались свитки, в которых сохранялись старинные русские летописи). Герои не живут, а доживают свой век в мире, в котором труд